

Г. Г. Филиппов¹**СОСТОЯНИЕ КУЛЬТУРЫ И ПАРАДИГМЫ ЕЕ ПОНИМАНИЯ
В ЭПОХУ ИНВОЛЮЦИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА**

Современный социум (человеческое общество в целом) вступил в качественно новую фазу своей эволюции. На смену былому магистральному направлению развития (прогрессу) пришли стагнация и упадок. Это вызвано двумя причинами: природной и социальной.

Природная причина заключается в невозможности обеспечения семимиллиардного населения Земли необходимыми условиями жизнедеятельности и продовольствием. Ограниченность земельных площадей для производства продуктов питания, катастрофическая нехватка воды (особенно питьевой), необратимое загрязнение всех сфер жизни человека, хаотические мутации генома человека и животных, разорительные природные катаклизмы — все это оставляет благоприятную природную нишу для полноценного существования не более чем одному миллиарду человек. Остальным приходится приспосабливаться к неуклонно ухудшающимся условиям повседневной жизни и соответственно снижать запросы и претензии к потребляемым товарам, услугам и культурным благам.

Социальная причина выражается в упрощении и примитивизации основ общественных отношений и содержания социальных институтов, что обусловлено подчинением всех общественных процессов рыночным отношениям и установлением единого одномерного мерилы всех материальных и духовных ценностей — финансовой прибыльности. Она достигается в массовом производстве продуктов, услуг и ценностей широкого потребления, то есть в производстве индустриализированном, автоматизированном и уже часто роботизированном. Закономерно, что результаты имеют стандартизованный характер по качеству и форме. То же самое происходит и с производством культурных благ и ценностей. Стандартизация обходится много дешевле, чем индивидуализация многообразных потребностей, а упрощение стандартов еще больше удешевляет производимый продукт.

Обе эти причины действуют совместно, усиливая друг друга, причем первая стала ведущей, выражая непреодолимую энтропийную тенденцию эволюции социума — конечность существования всякого материального объекта.

Общая энтропийная тенденция дополняется разнотипным саморазвитием культуры как в прогрессивном направлении, так и в регрессивном. С одной стороны, культура продолжает выполнять функцию матрицы воспроизводства общественных институтов

и общественных отношений, воспроизводства расширенного и все более организованного (совершенного). В силу этого сама культура во всех своих видах вырабатывает новые, более значимые и продуктивные знания и ценности (научные и технические знания, художественные ценности, улучшенные психологические и правовые нормативы и пр.), способствующие повышению человека и укреплению его определяющей роли в социуме.

С другой стороны, в то же время происходит выхолащивание позитивного содержания и деградация формы жанров художественной культуры; коммерциализация науки и научных исследований (особенно в области обществознания); замена достоверных оценок по объективным показателям экспертными оценками, субъективными и пристрастными в соответствии с рыночными интересами; эскалация производства квазинаучных и ложных знаний и антигуманных ценностей на рынке потребления культуры. Такая тенденция эволюции культуры способствует принижению человека как высшей несравнимой ценности, сведению его к разменной ассигнации на рынке товаров и услуг. Человек рассматривается как измеримая ценность наряду с другими рыночными ценностями и продуктами. Соответственно появляются теоретические концепции и целые науки вроде «экономики человека», концепции стоимости человеческой жизни, рентабельности эвтаназии и пр.

В основе вышеназванных тенденций лежат объективные экономические явления, прежде всего тренд глобального обнищания большей части населения. По данным Всемирного банка и ООН, за последние 15 лет XX века доход на душу населения снизился более чем в 100 странах мира. Более половины населения планеты жили в этот период менее чем на 2 доллара в день [4, с. 16]. По комплексной оценке Продовольственной организации ООН (ФАО), в XXI веке из 174 стран мира большинство не обнаруживают прогрессивных изменений в своей экономике, в 73 странах положение ухудшается и только в полутора десятках стран («золотой миллиард») наблюдается улучшение. Комплексная оценка составляется из таких ключевых показателей, как: уровень ВВП страны и на душу населения, продолжительность жизни граждан, грамотность взрослого населения, достижения в области образования и т. д. На среднесрочную и долгосрочную перспективу прогнозируется тот же тренд [6, с. 333].

Первые полтора десятка лет XXI века характеризуются продолжением тех же тенденций и для мира в целом, и для Российской Федерации. В нашей стране, например, 45,3 % населения живет на 4 доллара в день при официальном уровне инфляции 6–8 % [2, с. 114]. Успокоительные заявления правительства о том, что наблюдается положительная тенденция при нулевом росте и что в каждом следующем году ожидается рост экономики в 1–2 %, не отменяют простой закономер-

¹ Профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «Социальная организация и политическая власть», «Как учили философии полвека назад», «О природе манипулятивного управления и его месте в обычной управленческой деятельности», «На пути к закату и заходу», «Неиспробованный еще вариант общественного развития», «Социальная организация в докапиталистическую эпоху», «Новые организационные технологии — управляемая дезорганизация» и др.

ности: реальные улучшения в виде сокращения безработицы и повышения жизненного уровня населения начинаются только при экономическом росте в 4 % [3].

При этом неумолимо снижается качество жизни из-за необратимых изменений среды обитания. По расчетам Римского клуба, еще 30 лет назад все государства мира должны были бы тратить ежегодно почти весь свой национальный доход на восстановление разрушаемой природной среды, чтобы добиться хотя бы сохранения ее состояния. Однако сейчас, как и в прежние годы, лишь некоторые страны отпускают на такие проекты ничтожные доли годового бюджета. Как следствие, неуклонно увеличивается биологическая и химическая несовместимость человеческого организма со средой обитания. Об этом свидетельствует переход от объективной оценки здоровья человека по конкретным измеримым показателям к субъективной индивидуальной оценке. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сегодня определяет здоровье человека как духовное и физическое состояние комфортности бытия индивида. Получается, что человек должен считать себя и считаться здоровым, если он ощущает себя комфортно, несмотря на свои болезни и увечья и всевозможные психические и физические отклонения, фиксируемые врачами.

Неуклонное сокращение материальных возможностей растущего населения планеты для производства и потребления культурных ценностей объективно выражается в постоянном росте разрыва между богатыми и бедными. По данным Всемирного банка, за полтора десятилетия на рубеже XX и XXI веков разница в доходах населения на мировой лестнице благосостояния возросла с 1:80 до 1:500 [7]. Надежды на благотворное влияние перехода к информационному и постиндустриальному обществу и на плоды развития наук не оправдались. Проект ООН «Будущее мировой экономики» предрекал устойчивое развитие и процветание всех стран в последней трети XX века. Но только две страны за этот период (1971–2000) как-то оправдали прогноз: неожиданно Китай (рост на 93 %) и скромненько США (рост на 2 %). Россия и страны Восточной Европы показали провальные результаты [6, с. 97–98].

Исчерпание природных ресурсов сделало неосуществимыми манящий идеал распределения «по потребностям» и даже тлеющую надежду на распределение «по труду». Упование на целительную роль конкуренции уже не имеет реальных оснований, поскольку конкуренция давно превратилась в инструмент монополизации во всех сферах общества, где она еще осталась.

Культура как духовное инобытие общества повторяет его энтропийную тенденцию, но не однозначно и не автоматически. Она может выполнять и компенсаторную роль, выдвигая увлекающий идеал прогрессивного развития. Например, известен взлет российской культуры после позорного поражения Российской империи в Крымской войне 1853–1856 годов. Но если нет ни такого идеала, ни надежд на его появление, то культура (ее творцы, хранители и распространители) замыкается в себе, перестает получать

извне стимулы, в том числе материальные, для своего развития и сосредоточивается на продуцировании иных форм и выражений старых ценностей и знаний, меняет ориентиры с открытого служения обществу на внутреннюю рефлексию и саморефлексию, переходит к созданию эзотерических языков в целях самозащиты и сохранения значимого социального статуса за счет своей недоступности и непонятности для широкой публики. В повседневной реальности эта тенденция выражается в формалистических течениях в искусстве, в науке — подменой практической проверки новых идей мнением сообщества экспертов-авгуров и продвижением так называемой альтернативной науки; в технике — разработкой устройств и их функций, удовлетворяющих изощренные и искусственно сформированные запросы потребителя, утомленного скукой обыденной жизни.

Инволюция культуры в настоящее время имеет целый ряд специфических проявлений. Крушение идеи победоносного шествия глобализации порождает фактическую локализацию культуры по странам и регионам [1]. Многообразие культур сопровождается объединяющей тенденцией — эклектичностью форм, жанров и средств выражения. Почившие или умирающие жанры, сохраняющиеся в статусе антиквариата с помощью государственной или филантропической поддержки, используются для привлечения зрителей, поклонников или читателей, заимствуются средства выражения из отдаленных непрофильных жанров. Характерные примеры — «авторские прочтения» пьес, либретто, партитур классических произведений и прочее в рамках художественной культуры. В рамках науки — внедрение терминов, идей и концепций из далеких по предмету и методам других наук или даже из «альтернативных» теорий. Так, постмодернизм насыщает философию и теорию культуры терминами и концепциями из естественных наук, делая это неграмотно и неподобающим образом [5]. В психологию и медицину проталкивается ложная концепция биополя для объяснения здоровья и лечения болезней. В потоке перформанса как новейшего направления культуры перемешиваются художественные жанры, технические объекты, бытовые предметы и психические отклонения автора.

Реальная инволюция захватывает не только производство продуктов культуры, но и целые социальные институты: семью, общеобразовательную школу, библиотеки, высшее образование, сферу управления. Так, вузы и библиотеки трансформируются в торгово-развлекательные комплексы; политические и избирательные кампании превращаются в скандально вульгарные карнавалы; семья — в братское единство мыслимых и немислимых животных отправлений.

Конечно, инволюция культуры — не фатальный процесс. Государство и политическая власть имеют достаточно средств для влияния на процессы культурного развития, на регулирование и управления культурой. Разумеется, не в смысле непреклонного понуждения творцов к созданию строго определенных образцов культурных ценностей, знаний и норм, а в форме стимуляции творчества, управления хранением и рас-

пространением продуктов культуры, социально оправданного использования культурных достижений. Другой вопрос, какими способами и средствами можно это осуществить.

Литература

1. Капустина Л. Б. Глобализация и глобальная культура: два десятилетия под прицелом аналитиков / Л. Б. Капустина // Управленческое консультирование. — 2010. — № 4.
2. Кортаев А. В. Современные тенденции мирового развития / А. В. Кортаев, Д. А. Халтурина. — М. : Либроком, 2008.
3. Прокофьев Д. Без иллюзий. Что ожидает российскую экономику этой зимой? / Д. Прокофьев // Звезда. — 2016. — № 10.
4. Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира. Культура, богатство и власть / С. Роузфилд. — М. : РОССПЭН, 2004.
5. Сокал А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / А. Сокал, Ж. Брикмон. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2002.
6. Сулов Н. И. Проект ООН «Будущее мировой экономики: что не сбылось? / Н. И. Сулов // ЭКО. — 2011. — № 12.
7. Юрлов Ф. Н. Социальные издержки глобализации / Ф. Н. Юрлов // Социологические исследования. — 2001. — № 7.